

Светлана Турмова

*Вслед за расколотой
луной*

Светлана Турмова

Вслед за расколотой луной

«Автор»

2023

Турмова С.

Вслед за расколотой луной / С. Турмова — «Автор», 2023

После смерти Киннана III на престол должен взойти его сын Роланд. Но не все так просто. Почему король ненавидел сына? Зачем обязал жениться на княжне Снауланда? Какую роль играет древний маг из мира мертвых? Чем поможет героям нож убийцы? И стоит ли ворошить прошлое, вскрывая старые раны? Как много вопросов требуют ответа...

© Турмова С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3.	15
Глава 4.	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Турмова

Вслед за расколотой луной

Глава 1

Король уходит

В покоях было совсем мало света: тяжелые темные портьеры скрывали окна, а свечи почти догорели. Стояла духота – густая, липкая, пропитанная сладковатым запахом смерти и свечного воска. На роскошной резной постели под золоченым балдахином лежал старик. Серое лицо тонуло во взбитом шелке белоснежных подушек. Черты его были таковы, что сразу становилось ясно: мягкость никогда ни на миг не поселялась в них, а блеклые губы с запекшимися кровинками вряд ли умели искренне улыбаться. И все же в иссохшем лице его еще жила агрессивная, львиная красота – даже шапка седых волос с редкими вспышками смоли напоминала разметающую гриву.

Вот верхняя губа судорожно дернулась, приподнялась, показывая желтоватые зубы. Старик слегка повернул голову, вперив вороний взгляд в спину молодому человеку в оранжевом берете – стоя перед мольбертом, тот ловко орудовал кистью, и лишь очень пристальный наблюдатель сумел бы заметить мелкую дрожь, сотрясающую руку художника. Ему, несомненно, не доставало освещения, но страх перед умирающим стискивал горло крепче веревки палача и не позволял просить даже о таком пустяке, как открытое окно.

Старик хрипло рассмеялся: робость придворного живописца доставляла ему подлинное удовольствие – даже сейчас, в полушаге от мертвенного забвения, он был способен повелевать! Немошь изъеденного недугом тела ничуть не укротила дух – жестокий и властный. И в столь жалком состоянии он внушает ужас подданным! Старый король глубоко вздохнул и закашлялся, подавившись приторной духотой, заполнившей легкие.

Художник, коего, к слову, звали Кассио, напрягся до судорог в лопатках, но не обернулся, сосредоточив все свое внимание на весьма странном задании государя: Киннан III повелел ни много ни мало – написать его портрет в полный рост, причем писать следовало именно в королевских покоях и не глядя на умирающего. К тому же надо исхитриться успеть завершить работу до того, как владыка Дангара испустит дух. Кассио недоумевал, к чему такие сложности, и совершенно не представлял, как предугадать наступление скорбного момента. Стоит ли удивляться, что живописец чувствовал себя весьма неуютно и изо всех сил поспешал, стараясь как можно скорее избавиться от неприятной обязанности, возложенной на него государем?..

Монарх прикрыл глаза: тени стали явственней – он не видел их в полумраке залы, но чувствовал, как они тянутся к нему из всех углов. «Нет уж, вам придется остаться без добычи! – Злорадно подумал Киннан. – Я не тот, с кем просто справиться, у меня свои планы!»

Будто возражая, на краешке его сознания обозначился силуэт, запряженный в темные складки мантии, – он неуклонно приближался, различимый даже через закрытые веки.

– Мой господин, – слова скатились в ухо почтительным шепотом.

Киннан заставил себя сконцентрироваться на этом голосе – низком, с царапающей хрипотцой и в то же время по-женски мелодичном.

– Леди Глэйм, – признал он посетительницу, вошедшую через потайную дверь. – Все ли готово?

– Да, ваше величество. Гонцы к принцу Роланду отправлены. Полагаю, к завтрашнему полудню он будет в замке. Однако не торопите ли вы события?

– В самый раз, – проговорил король и неожиданно резко приподнялся, уставив в лицо женщины жадный черный взгляд, – ты принесла ее?!

Леди Глэйм извлекла из свободно ниспадающего рукава небольшой округлый предмет, пахший воском и жженым тростником, в другой руке у нее оказался свиток.

– Магическая печать, – протянул Киннан и удовлетворенно откинулся на подушки, стараясь не замечать плывущий к нему силуэт в ореоле мерцающей синевы. – Действуй, да поживее, – коротко приказал король, – время выходит!

Леди Глэйм покосилась на спину художника, который, казалось, полностью погрузился в свою работу, точно действо, разворачивающееся за плечами, нисколько его не занимало.

– Тратишь драгоценные минуты, – отмахнулся умирающий, – каждый делает то, что должно. Ты. Делай. Своё.

Женщина кивнула. Шелестя складками одеяния, она прошествовала к ближайшей свече и грела на огне магическую печать до тех пор, пока та не стала тягучей, словно медовая патока. Леди Глэйм прикрепила печать к свитку и смотрела, как та в отсвете свечи обретает зловещий буро-красный оттенок и растекается, будто выпущенная из вены кровь. Внезапно печать заискрилась, документ моментально оказался опутанным множеством сверкающих нитей. Леди Глэйм протянула пергамент государю. Тот последним усилием вжал в застывающую массу большой палец правой руки, прошептал:

– Воля моя изъявлена, колдовской печатью запечатана – чему быть – тому сбыться, чему не быть – не сложиться! Слов моих не превозмочь, тайну знает только ночь!

Печать обожгла руку жаром. Киннан слабо вскрикнул, и этот вскрик моментально растворился в сухом потрескивании догорающих свечей. Король сфокусировал взгляд на единственном ярком пятне в комнате – оранжевом бархатном берете художника – и рухнул на подушки.

Черный силуэт вынырнул из своей мантии, сотканной руками тьмы, наклонился низко-низко и овладел сознанием монарха: синеватое свечение отразилось в смоляном зеркале навеки замерших глаз.

Кассио размашисто нанес последний мазок на холст.

Леди Глэйм перехватила запечатанный свиток и снова запрягала в глубине рукава.

Король не дышал.

Художник снял берет и понурил голову:

– Государь опочил, – скорбно объявил он.

– Воистину, – холодно согласилась леди Глэйм, безучастно глядя на застывшее неживое лицо владыки. – Я распоряжусь насчет траурной церемонии и погребения, – добавила она, скользя к выходу, – а вам, дорогой Кассио, стоит поторопиться: согласно повелению государя, утром его портрет уже должен украшать тронный зал, ибо король не намерен надолго покидать своих подданных.

Глава 2

Обманутые ожидания

Королевский замок был виден издалека: шпили его башен стремились в высоту столь настойчиво, будто желали перерастить самую высокую горную вершину. В свете полуденного солнца мраморные стены казались ослепительно-белыми, а окна вспыхивали золотыми огнями. Кое-где в белизну врывались сочные зеленые оттенки великолепного сада. Сад этот выглядел причудливо: он располагался на нескольких уровнях, опускаясь каскадом к самому подножию замка, и походил на выющую изумрудную ленту, расшитую цветными нитями, – то радовали взгляд многочисленные клумбы и плоды.

Замок располагался как бы в горной нише, по обе его стороны с хребтов летели вниз речные потоки, и оттого королевскую резиденцию в народе прозвали «Белым Дворцом меж двух водопадов». Водные брызги орошали сады, и они никогда не страдали от засухи.

Не доезжая нескольких метров до замка, Роланд остановился, чуть привстал в стременах и прикрыл глаза козырьком ладони, любуясь открывшейся картиной: он успел почти позабыть сказочную красоту отчего дома. Аромат цветов, смешиваясь с прозрачным запахом летящей воды, ласкал обоняние, извлекая на свет чувства, глубоко запрятанные в тайниках души. Они вспыхивали одно за другим, как капли, поймавшие солнечное отражение.

Последний раз принц посещал столицу лет пять назад. Впрочем, и в прежние наезды Роланд не задерживался здесь более чем на пару дней – так желал отец, запрещавший сыну без особой нужды наведываться в замок.

Отец...

Юноша опустил в седло. Сердце билось ровно, птица печаль не уронила в душу ни одного пера со своих крыл. Сказать по правде, Роланд скорее испытывал облегчение. И его едва ли можно осудить: принца отослали из родительского дома в дальнюю приморскую резиденцию сразу же, как только он появился на свет. За все свои двадцать пять лет Роланд вряд ли обменялся с отцом и сотней слов. Киннан III недаром слыл жестоким правителем, но его отношение к собственному наследнику было совершенно непостижимо даже для самых приближенных вельмож.

– Не по себе, верно? – Черноволосый молодой человек в синей тунике в тон глаз и сером дорожном плаще примерно одних с принцем лет придержал коня, идя вровень с принцем. – Ты поэтому не спешишь?

Роланд кивнул и пожал плечами:

– На погребальную церемонию мы все равно опоздали. А точнее наше присутствие там и не требовалось, так что торопиться нет нужды.

Получив весть о близящейся кончине государя, принц немедленно пустился в путь. Он наотрез отказался от подобающей наследнику престола пышной свиты, взяв с собой лишь ближайшего и, по правде говоря, единственного друга, разделившего с ним все тяготы изгнания, – Виррейн вырос вместе с принцем. До сих пор молодой человек не мог уразуметь, с чего вдруг ему, круглому сироте без роду без племени, не знавшему ни отца, ни матери, выпала высокая честь воспитываться вместе с королевским сыном.

– Что ж, – заметил, помолчав, Виррейн. – Не стану делать вид, будто я скорблю. А ты зато сможешь теперь беспрепятственно исполнить желание своего сердца. Небеса свидетели: вы оба это заслужили!

Роланд улыбнулся, хотя момент не очень подходил для радости, и сжал в пальцах медальон с портретом леди Эллинет.

Замок как бы парил над землей – к нему вели две сотни ступеней, вырубленных в камне неизвестно для чего: никто б не стал давать себе столь серьезную физическую нагрузку, тем более что по обе стороны от них поднималась вверх мощеная серебристо-черной плиткой дорога, вполне удобная для лошадей. К тому же у подножия замковой горы гостей поджидали искусно вырезанные деревянные ладьи – стоило лишь ступить в них, и ладьи поднимали посетителей прямым к воротам.

Скорее всего, лестница имела иное назначение: через каждую пару ступеней красовались каменные статуи, изображавшие древних правителей Дангара. Вероятно, по замыслу мастеров это должно было указывать на их прижизненные склонности, ибо кто-то стоял, упредев очи в фоллиант, кто-то напряженно всматривался вдаль, сжимая рукоять меча, а кто-то попросту сидел на ступеньке, свесив ноги, и предавался мечтам. Вот уже не одно столетие изваяния были немymi участниками целого ряда событий, наблюдая их из каменной галереи предков...

Роланд и Виррейн подъемный транспорт проигнорировали, отдав предпочтение лошадам, и мерно покачивались в седлах под звонкий цокот копыт.

Кованные ворота Белого Дворца были гостеприимно распахнуты: принца ждали, и, кажется, с нетерпением. Двор запрудил народ, облаченный в одежды темных оттенков. По древнему обычаю, когда король Дангара уходил в мир иной, все королевство на два месяца погружалось в траур. Запрещалось громко смеяться и носить яркие цвета (впрочем, сей запрет не касался драгоценностей), а любые празднества и увеселения откладывались. Поэтому приветственных выкриков не последовало, однако в них не было нужды: лица людей говорили куда красноречивее.

Лишь только Роланд спешил, как оказался в объятиях высокого статного человека. Несмотря на преклонные годы, лицо его не утратило живости, карие глаза таили искру – даже потяжелевшие морщинистые веки не могли скрыть пронизательного взгляда. Серебристая седина обильно усеяла подбородок и виски, резко контрастируя со смуглой кожей лица.

– Добро пожаловать, ваше высочество! – Во всеуслышание объявил он, а затем, перейдя на отеческий шепот, ласково проговорил, – Наконец-то ты дома, мой мальчик!

– Гедеон! – Принц крепко обнял старика, одного из очень немногих людей, за которых без колебания отдал бы жизнь.

Гедеон занимал должность первого министра и главного советника короля, а еще именно он вырастил и Роланда, и Виррейна. Если б принц мог выбирать, то с готовностью назвал бы своим родителем министра, пусть даже ради этого пришлось отказаться от престола. Для Виррейна же советник был и отцом, и наставником, и примером для подражания, а потому юноша с болью отметил, как Гедеон постарел, – государственные дела и придворная жизнь порядком его изнурили...

– Мы рады приветствовать вас обоих, – с теплотой произнес первый министр, – положив руки на плечи своим воспитанникам.

Стоявшие за его спиной члены Королевского Совета были куда более сдержанны в выражении эмоций и лишь почтительно поклонились принцу, игнорируя его низкородного спутника. Роланд собрался было выразить недовольство по данному поводу, однако Виррейн незаметно коснулся его плеча и взглядом дал понять, что эта ерунда не стоит внимания.

Молодой человек прошествовал следом за принцем и Гедеоном в замок сквозь калейдоскоп лиц и выражений, полных горячей надежды на перемены к лучшему – никто не пытался скрывать своей радости от кончины Киннана, невзирая на траур: народ с нетерпением ждал момента, когда на трон взойдет новый король.

Роланда, без сомнения, ожидали долгих два месяца: ему предстояло вникнуть во все дела, ознакомиться с текущими вопросами и нерешенными проблемами, коих в Дангаре, как оказалось, полно, ибо Киннан за последние годы совсем забросил королевство. Если бы не первый министр, всей душой радеющий за благо государства, принц унаследовал бы разруху и пустую казну. Последний момент его особенно озадачил. Роланд в первый же вечер запросил у Хранителя казны лорда Коэна расходные книги и с удивлением узнал, что отец тратил огромные суммы. Но цель этих трат была не ясна. Каждая строчка заканчивалась печатью с королевским гербом без каких-либо указаний.

– Что сие означает? – Поинтересовался Роланд у лорда Коэна, вызванного на беседу.

– Не могу знать, ваше высочество, – с почтительным поклоном отвечал Хранитель. – Мне не дозволено требовать отчета у государя, а он не имел обыкновения объяснять свои повеления.

– И все же вы не могли не заметить некоторые странности: например, тот факт, что отец особенно много денег расходовал в последние года три, до этого времени записи мало отличаются одна от другой.

– Совершенно верно, – согласился лорд Коэн. – Однако я привык не озвучивать свои мысли вслух, ибо вспыльчивость короля известна далеко за пределами Дангара. Уверен, вы поймете мое желание не окончить жизнь в петле или жарясь под солнцем пустыни.

Роланд хмыкнул, сведя к переносице темные брови: очевидно, копать здесь бесполезно – казначей, как и все остальные, слишком боится Киннана. И после смерти его призрак зловеще реет над королевством, внушая ужас всем и вся...

– Но у вас есть хотя бы предположение, куда утекло столько золота? Великое Солнце! Да за него можно целое государство купить вместе с подданными! – Принц пристально наблюдал за реакцией Хранителя казны и заметил в нем некоторое смятение.

Тот, пытаясь спрятать глаза, замер в поклоне:

– Простите, мой господин, я ничего не знаю. Могу лишь смиренно просить вас проявить милость, если вы видите мою вину. Я готов сию минуту оставить свой пост, коли вы сочтете это необходимым.

«Ничего себе!» – мысленно воскликнул изумленный Роланд. Он уже понял: из разговора не извлечь зерна, а от словесной шелухи толку мало. Даже если лорду Коэну и известно нечто любопытное, на устах его печать молчания – виной тому страх или нечто другое, не столь уж важно. Вслух принц заверил казначея, что вполне удовлетворен его службой и отпустил с миром. Сам же подошел к окну и залюбовался южным краем неба. Звездные барашки уже окружили лунного пастушка: тот подсчитывал стадо, не забывая одаривать засыпающий Дангар холодным серебром своего света. Море шумно волновалось где-то вдали: его не видать из замка, а жаль – Роланд любил волны, они спели ему столько колыбельных...

Он глубоко вдохнул: хорошо, что существует час, когда можно сбросить с плеч заботы, отложить их, как неизбежную, но надоевшую вещь. Пальцы снова потянулись к медальону, с которым принц не расставался:

– Потерпи еще немного, Элли! Уже совсем скоро мы будем вместе! И никто больше посмеет назвать наш союз недостойным!

– Ну, Расскажи мне, как ты? Потешь старика! – Гедеон приветливо улыбался молодому воспитаннику, поудобнее устраиваясь на бархатной подушке кресла.

– Что рассказывать? Ничего нового не случилось с того момента, как ты гостил в нашем замке у моря!

Вечер в компании наставника умиротворил Виррейна. До сих пор он чувствовал некое напряжение, висящее в воздухе: кончина короля, прибытие ко двору, встреча Роланда – все это казалось ему ненастоящим, странной декорацией. Словно события были кем-то заранее подготовлены и к чему-то вели, а принц и сам Виррейн – просто фигуры на шахматном поле, подвластные чужим манипуляциям. Это юноше совсем не нравилось, оттого-то он частенько хмурился, всматривался в каждого, кто попадался ему на пути, ища подвох...

Его красивое скуластое лицо с налетом высокомерия отталкивало людей, но на деле служило лишь защитой безродному найденышу, который мало от кого слышал доброе слово. Знать взирала на него с высоты своего величия, Виррейн отвечал тем же и перестал замечать, что выражение, нацепленное им от безысходности, почти приклеилось, как маска, которую с каждым разом все труднее снимать. Лишь в обществе самых близких – принца и первого министра – молодой человек позволял себе быть таким, какой он есть.

Сейчас Гедеон и Виррейн сидели у очага, наслаждаясь обществом друг друга. В окна мягко лилась ночная чернь, но не смела подступать слишком близко, напуганная теплым танцем огня. На столике между мужчинами стоял серебряный поднос с двумя кубками и кувшином с самым лучшим вином, а дангарские вина славились по всем миру!

– Через два месяца Роланда коронуют, – произнес первый министр, будто ставя галочку в списке неотложных дел, – но прежде ему предстоит сочетаться браком!

– Ну, за этим дело не станет, – благодушно усмехнулся Виррейн, шуря глаза на пламя и делая глоток. – Полагаю, если б не траур, наш будущий государь женился бы хоть завтра.

Гедеон засмеялся:

– Да уж, за него я спокоен: из леди Элли получится прекрасная спутница жизни. А вот ты, мой друг, имеешь ли сердечную склонность? Тема деликатная, однако, думаю, могу поинтересоваться: как-никак я твой названный отец.

– Жаль разочаровывать тебя, но моя душенька спокойна, и никто ее не берedit.

– Хм, мне странно это слышать, ибо я вижу, сколько нежных взглядов разбивается о броню, выкованную в кузнице твоих сомнений, – лукаво подмигнул министр. – Ты хоть замечаешь, как красавицы Дангара смотрят на тебя?

– Как на сорняк, который случайным ветром занесло в королевский розарий, – фыркнул Виррейн, не видевший себя в роли завидного жениха.

– О, мой мальчик, если б ты только знал, как неправ! – С неожиданным отчаянием вдруг воскликнул Гедеон.

В его голосе слышалось страдание, словно старик не мог простить себе давний грех, который мучил его с каждым днем все сильнее. Юноша встревожился, взглянул на своего наставника:

– О чем ты говоришь?

Старческую руку скрутил спазм, бокал накренился, и рубиновая жидкость выплеснулась на зеленую с золотом тунику, расплывшись мокрой кляксой у сердца. Виррейн затряс головой, пытаясь не пустить рвущийся в мысли образ кровавого пятна...

– Ты должен знать, мой мальчик, должен знать, – будто в забытьи бормотал Гедеон. – Но сейчас я слишком устал.

Молодой человек бережно подхватил его под руки и помог прилечь.

– Я возлагаю на тебя большие надежды, – прошептал первый министр, всегда уважавший ясный ум своего воспитанника. – Тебе предстоит занять мое место, потому что без твоих советов Роланд не справится...

– Мы поговорим об этом в другой раз, – Виррейн успокаивающе похлопал старика по предплечью, – к тому же мне кажется, ты рано собрался на покой.

Гедеон кивнул, снял сдавивший голову золотой обруч, чуть влажный от выступившего пота:

– Ступай, сынок, – проговорил он, закрывая глаза. – Отдохни. Всем нам потребуются силы.

Виррейн с поклоном удалился, но его не оставляло ощущение, что наставник чуть было не раскрыл давний секрет, причем, судя по всему, не очень-то благовидный.

Когда следующим утром принц спустился в тронный зал, то обнаружил, что основные члены Королевского Совета уже там. Помимо первого министра, его ожидали лорд Коэн, лорд Дин, лорд Элидар и леди Глэйм, облаченные в длинные черные с золотом одежды. Все они поклонились его высочеству и выстроились у трона, стоявшего на небольшом возвышении. Это означало, что Роланду надлежит занять место владыки Дангара. Он молча прошествовал к трону, надеясь, что никто не замечает, насколько неприятные ощущения его одолевают. Принц от души пожалел, что Виррейн отказался составить ему компанию.

– Ты ведь станешь главным советником и первым министром! Почему бы не включиться в обсуждение насущных вопросов? – Роланд попытался надавить на чувство долга, но не сработало.

– Возможно, – лениво откликнулся друг и весело подмигнул. – Однако пока я всего лишь твой оруженосец, коему нечего делать в обществе столь знатных особ. Придется тебе самому воевать с демонами в лице твоих будущих придворных!

– Зубоскалишь? Не поможет! Все равно часть проблем я свалю на тебя – не одному ж мне расхлебывать последствия загадочной отцовской расточительности!

Виррейна угроза не напугала, он лишь слегка склонил голову в знак согласия, прижал правую ладонь к левой стороне груди и пафосно изрек:

– Воля ваша, мой государь!

И Роланду пришлось встречаться с советниками одному. Удивительно, но он чувствовал себя так, словно оказался в стане врага. Если б не Гедеон, юноше вообще б захотелось сбежать на край света! Впрочем, Роланд тут же одернул себя: подобные мысли пристали рабу, но не наследнику престола.

– Благодарю вас, господа, сударыня, что взяли на себя труд так быстро ввести меня в курс дел. – Сказал принц, подавляя желание сразу же объявить о роспуске членов Совета, и осекся: с противоположной стены на него смотрел... Киннан III собственной персоной! Портрет в полный рост вызывающе поблескивал золотой рамой, настойчиво привлекая к себе внимание. Старый король представал перед зрителями во всем своем великолепии и роскоши одеяния, властная жестокость читалась в каждой черточке его лица, глядела из черного омута глаз. Даже будучи всего лишь изображением, он подавлял любого.

Роланд не сдержался:

– Что это такое?!

– Портрет, Ваше высочество, – почтительно сообщила леди Глэйм, но острый взгляд ее полоснул, как стилет.

– Вижу, сударыня, – принц уже взял себя в руки и смерил ее суровым взором. – Позвольте указать вам на неуместность вашего сарказма. Мне любопытно узнать, откуда портрет взялся и почему он висит здесь, а не в Зале предков?

– Такова последняя воля покойного короля, – с подчеркнутым смирением доложила леди Глэйм, но юноше снова не понравился ее тон.

– Полагаю, мы могли бы обсудить более важные вещи, нежели картина, – дипломатично вмешался лорд Элидар. – Например, коронацию.

– Прежде коронации нужно совершить свадебный обряд, – заметил лорд Дин. – Времени на подготовку хватает: за два месяца должны управиться!

– Времени не так много, как вам кажется, сударь, – леди Глэйм несколько возвысила голос и удовлетворенно улыбнулась, отметив, что все взгляды притянулись к ней, а принц из последних сил держит в узде свое раздражение.

– Ведь нужно успеть снарядить посольство в Снауланд, что не быстро, – продолжила женщина, – прибавьте к этому многие дни пути: путешествие по морю туда и обратно займет не меньше месяца...

– Не отклонились ли мы от темы? – Прервал говорившую Роланд. – К чему вы завели речь о северном княжестве? Я не собираюсь отправлять к тамошнему правителю никакого посольства, ибо не вижу в том надобности!

– О, надобность имеется, и еще какая! – Возразила леди Глэйм. – Свадьбу не сыграть без невесты...

Все эти недомолвки порядком злили принца: осточертело наблюдать, как советники переглядываются и перебрасывают друг другу обрывки изречений, точно его тут вовсе нет! Не успел прибыть во дворец – и на тебе: сплошные тайны, секреты, поручения! Роланда внезапно посетило странное чувство, будто он лишний и в тронном зале, и среди этих людей.

Киннан на портрете ухмыльнулся, подтверждая выводы сына... Наследник престола разъярился окончательно.

– Невеста у меня есть, – твердо объявил Роланд, заставив себя оторваться от созерцания отцовского лика. – Леди Эллинет. Завтра же я представлю ее народу Дангара как свою будущую супругу и королеву.

– Прошу прощения, мой господин, – и принц поморщился (опять вкрадчивый голос леди Глэйм бросает ему вызов) – Но вы не сможете осуществить ваше намерение.

– Неужели? – Вскинулся принц. – И кто же мне помешает? Не вы ли, сударыня?

– Ах, мне, право, жаль, если я дала вам повод так думать, ибо мой долг и самое горячее желание – быть вам полезной. Просто ваша суженая находится далеко отсюда, и, уверяю вас, это не леди Эллинет. Мне крайне неловко, что я вынуждена сообщить вам это в высшей степени неприятное известие, – велеречиво молвила женщина, повернув к наследнику престола узкое бледное лицо с легким оттенком синевы из-за расположенных слишком близко к коже вен. Длинные чуть раскосые глаза ее, густо подведенные черной тушью, сузились – темные прорези в белесой ткани лица.

От такой наглости Роланд лишился дара речи. Пока он собирался с мыслями, намереваясь поставить советницу на место, та взяла с подставки под портретом черный кованый ларец. Внутри на алом бархате лежал пергаментный свиток, запечатанный багровой печатью и опутанный сияющими нитями таким образом, будто его обернули в паутину.

– Настало время предъявить вам завещание Киннана III, – торжественно провозгласила леди Глэйм.

– Завещание?! Какое завещание? – Теперь изумление выказывал Гедеон. – Если оно действительно есть, почему я, первый министр королевства, ничего не знаю об этом?

– Могу предположить, что государь попросту не успел поставить вас в известность, – пояснила женщина. – Документ был составлен буквально за час до его кончины. Поблизости оказалась только я, и мне выпала честь озвучить последнюю волю его величества.

Гедеон недоверчиво хмыкнул, предчувствуя неприятности. Принц уловил настроение наставника и встревожился: он-то хорошо знал, что представляет собой его отец, и не сомневался в подтексте. Но услышанное повергло его в шок: король Киннан обязал сына выполнить одно условие – взять в жены снауландскую княжну Рианну. Лишь вступив с нею в брак, принц получал полное право занять престол.

– Рианну? – Повторил Роланд. – Вы, должно быть, шутите?

Пораженный не меньше своего воспитанника Гедеон взял у леди Глэйм пергамент и внимательно перечитал. То же действие повторили все присутствующие и подтвердили справедливость слов советницы.

– Господа, сударыня, – произнес первый министр, – прошу вас оставить нас. Мне кажется, будет лучше, если я поговорю с его высочеством наедине.

Просьбу выполнили охотно: благородные лорды растерялись от неожиданно свалившегося завещания, лишь леди Глэйм испытывала злую радость – мальчишка никогда не вызывал у нее симпатии, да еще собрался сделать главным советником безродного сироту, которого притащил с собой в столицу. Немыслимо! Унижение принца усладило душу женщины, как ложка меда стакан воды.

Оставшись с Гедеоном, Роланд выпустил на свободу свой гнев:

– Этого не может быть!!! Скажи, что мне все снится! Как отец посмел распоряжаться нашими судьбами – моей и Элли?! Неужели я должен последовать его нелепому указанию?!

– Увы, мой мальчик, – первый министр печально покачал седой головой.

– Но отец мертв! Разве не в моей власти отныне поступать так, как хочу я?

– Я понимаю твою ярость. Однако ты и сам знаешь: по дангарским обычаям последняя воля покойного священна и подлежит обязательному исполнению, а завещание, несомненно, написано рукой короля – его почерк я узнаю всегда. Но дело не только в нем. Документ запечатан магической печатью...

– И что?

– Она призвана контролировать неукоснительное выполнение всех пунктов завещания, в противном случае на твой род падет проклятие. Ее нельзя обмануть и невозможно сломать.

Роланд уронил голову на руки, в груди его бесновалась бессильная злость. Следовало ожидать: Киннан не был бы собой, если б не умудрился диктовать правила даже из гроба!

– А как же Элли? – Обреченно спросил принц.

– Ну, согласно документу, ты можешь жениться на леди Эллинет, но тогда вы оба будете изгнаны из королевства без права возвращения, причем путь в Дангар окажется заказан не только вам, но и вашим потомкам. Трон в этом случае перейдет к твоему кузену Лайнеллу из Рока.

– Что?! – Взревел Роланд, – Лайнеллу?! Да он же непроходимый болван! Лайнелл даже верблюдом не способен управлять, не то что королевством! Он просто-напросто погубит Дангар!

Советник беспомощно развел руками.

– Гедеон, тебе не кажется, что это слишком даже для отца?

– Ты прав. Но я думаю, что его целью было лишить тебя малейшей лазейки. Рианна и трон, либо любимая тобой леди Эллинет и изгнание плюс заведомое падение королевства...

– То есть при кажущемся наличии выбора на самом деле его у меня нет! – Подытожил, горько усмехаясь, принц. Элли неумолимо ускользала, а он ничего не мог предпринять, чтобы удержать любовь всей своей жизни.

– Есть еще кое-что, – осторожно добавил первый министр. – Насколько я понял, король рекомендовал будущей королеве в качестве фрейлины... как раз леди Эллинет. В благодарность за ее преданность короне...

Роланд бросил на Гедеона дикий взгляд и сорвался с трона. Идя к двери, он с ненавистью посмотрел на портрет и чуть не споткнулся: изображение опять скалилось – зловеще и с удовольствием! Принц моргнул: нет, показалось – ярость застилает взор, искажая суть вещей!

Он летел по коридорам, быстрее пущенной из лука стрелы.

– Где Виррейн?! – Рявкнул он в лицо первому попавшемуся прислужнику.

– Я точно не знаю, но, кажется, его милость на ристалище, – пролепетал парнишка, напуганный полубезумным взглядом принца.

Глава 3.

Все очень странно

Ристалищем дворцовая прислуга называла один из задних дворов, смотревших прямоком в горную стену с зеленой лавиной сада. Там королевские воины и стражники обычно тренировали свое мастерство. Именно этим сейчас занимался и Виррейн: когда принц ушел беседовать с членами Совета, юноша решил, что пара-тройка упражнений ему не повредит. К тому же таким образом можно было избежать нежеланных встреч с придворными вельможами, которых воспитанник Гедеона на дух не выносил.

Роланд нашел своего друга в момент, когда тот оттачивал навыки обращения с мечом и невольно притормозил, восхищаясь его ловкими четкими движениями.

Виррейн легко усваивал боевую науку: можно было подумать, что искусство владения оружием у него в крови – ему беспрекословно подчинялась любая сталь, будь то меч, кинжал, копье или топор. Вот и сейчас он весь словно растворился в выпадах и атаках, являя единство грации и силы. Виррейн ничего не замечал вокруг: ни своего наперсника, ни стайку дам, застывших на верхней галерее и взиравших на него с кокетливым восторгом.

Зато их заметил Роланд и усмехнулся: напрасно Вир полагает, будто он никому не интересен. Сам принц тоже прекрасно управлялся с оружием, однако Виррейн в этой области по праву считался настоящим виртуозом – он сделал бы честь любому королю и любой армии. Так что принц охотно уступал другу пальму боевого первенства.

Наконец Виррейн окончательно взмок и приостановил свою воинственную деятельность, в зону его внимания сразу же попал Роланд. Он отсалютовал принцу мечом, заметил зрительниц и отвесил им холодный церемонный поклон: дамы захлопали ресницами, заулыбались, однако ответной улыбки не дождались.

– Айсберги северных морей ничто, по сравнению со льдом твоего сердца, – цветисто высказался Роланд, приветствуя друга.

– Вероятно, так и есть, – ответил Виррейн, утирая рукавом лицо, и отвернулся, не желая углубляться в тему.

Загорелая кожа его влажно блестела от пота, черные пряди прилипли ко лбу, вискам и затылку. Синюю тунику сплошь покрывали темные пятна телесной влаги. Женщины на галерее не торопились расходиться, усиленно смотрели юноше в спину в тщетной надежде разжиться хотя бы одним взглядом, но Виррейн так и не обернулся.

– Боевой пыл в тебе не угас? – Спросил вдруг Роланд.

– Нет, думаю, еще на пару упражнений меня хватит, – криво улыбнулся Виррейн, понимая, куда клонит друг.

– Тогда защищайся! – Принц взял поднесенный слугой меч, примерился к рукояти и атаковал приятеля.

Лезвия схлестнулись, наполнив воздух звоном. Дамы жадно наблюдали за схваткой, пытаясь угадать, чья возьмет. Оба молодых воина выглядели великолепно – трудно было стать на сторону кого-то одного из них.

Воспитанник Гедеона удивился тому, как яростно набросился на него принц: точно внутри Роланда бушевал шторм, жаждавший топить корабли. Однако Виррейн отбросил рассуждения до поры, сосредоточившись на ходе боя и наслаждаясь напряжением в мускулах.

Через пару часов, когда солнце почти вплотную подкатилось к горизонту, оба приятеля свернули боевые действия.

– Благодарю, – отдышавшись, произнес Роланд и улыбнулся. – Мне надо было выпустить пар.

– Полагаю, что-то произошло в тронном зале, – проговорил Виррейн, принимая из рук слуги полотенце. – И кого, интересно, ты столь страстно желал разрубить на части? Искренне надеюсь, что твой царственный гнев направлен не на меня...

Роланд помрачнел:

– Мне нужен твой совет. Я ко многому был готов, но такого коварства не ожидал.

– Если дашь мне полчаса времени, я приведу себя в порядок и буду целиком и полностью к твоим услугам.

Принц согласно кивнул:

– Мне тоже не мешает переодеться. Жду тебя в своих покоях.

Очаровательные зрительницы, поняв, что бой не возобновится, покинули галерею. Все, кроме одной. Она с самого начала пряталась в тени, ибо не хотела попасться на глаза ни принцу, ни его другу. Леди Эллинет выступила на свет, едва действующие лица разошлись. По причине траура она облачилась в темно-фиолетовое платье с длинными прорезными рукавами, не скрывавшими ее тонких смуглых рук. Талию стягивал золоченый пояс. Прохладный шелк мягко струился по нагретой солнцем коже и дивно оттенял фиалковые глаза девушки. Ее длинные кудри оттенка какао, сильно разбавленного молоком, были собраны в высокий хвост и увенчаны золотой диадемой с розовыми опалами.

Элли задумчиво смотрела, как надвигаются сумерки: на юге переход от светлого времени суток к темному стремителен – не успеешь оглянуться, как ночь захватит мир, выпустив на небо птицу-луну.

Девушка знала о возвращении Роланда, однако пока так и не увиделась с ним. Сердце трепетало: она не сомневалась – не случись нечто непредвиденное, принц давно бы уже был у ее ворот. Что же произошло? Ответа Эллинет не знала, но предполагала: он не придется ей по душе...

Впрочем, леди Элли была рада увидеть возлюбленного хотя бы издали: кажется, за долгую разлуку он стал еще мужественней и краше...

Громкий говор водопадов беспардонно вмешивался во внутренний диалог, сбивая с мысли, да и потемнело весьма заметно. Эллинет предпочла спуститься вниз и двинуться домой: неприлично молодой девушке брести в сумерках в одиночестве, ну да ей не привыкать. К тому же родительское имение близко – всего в двух шагах от королевского замка.

Элли старалась прошмыгнуть к себе незаметно: если отчим заметит, что ее нет дома в столь поздний час, – не избежать головной боли!

Миновав широкий, вымощенный мрамором двор и обойдя давно заглохшие садовые фонтаны, девушка скользнула к черному ходу. Благо кухня опустела – кухарка и поваренок наверняка уже на полпути в царство снов. Эллинет неслышно прошла главный зал, поднялась по парадной лестнице, застланной узорным ковром. У комнаты, служившей спальней ее матери и отчиму, девушке пришлось помешкать: дверь была приоткрыта, и яркий свет вырывался в коридор, грозя обозначить припозднившуюся нарушительницу распорядка.

Эллинет заглянула в щелку между дверью и косяком и вздохнула: ну, естественно, картина та же – никаких новых деталей! Лорд Мэддог полулежа развалился в кресле и бокал за бокалом вливал вино в свою объемистую ненасытную утробу. Массивная золотая цепь с огромным рубином покачивалась от дыхания на его внушительной груди, плащ, откинутый на бок, свисал с подлокотника. Крупные губы хозяина поместья были влажными от вина, из-под черного с проседью курчавого локона катилась вниз капелька пота: лорд Мэддог вообще

сильно потел, даже если просто сидел у очага и ничего больше не делал, – вероятно, по причине избытка плоти и обильных возлияний.

Напротив него с шитьем в руках пристроилась супруга – леди Флавия. Взглянув на мать, Эллинет ощутила печаль: она выглядела такой усталой в старом, местами полинявшем темно-зеленом платье и шапочке, расшитой жемчугом! Тем не менее, лицо все еще отличалось красотой, живой отклик которой читался в чертах ее дочери.

Элли не осуждала мать за выбор супруга: когда умер отец, леди Флавии пришлось столкнуться с рядом трудностей в виде дома, разваливающегося буквально на глазах, пустых закровов и крошки-дочери, которой кто-то должен был обеспечить маломальское приданое. В таких условиях особо привередничать не приходилось – помещью требовалась мужская рука, а дочери – отец. И Флавия приняла предложение соседа – лорда Мэддога. Не ее вина, что ожидания не оправдались...

Отчим не любил маленькую Элли, скорее – едва выносил ее присутствие, был невздержан в еде и вине, и пустил по ветру остатки состояния, лишив падчерицу приданого вовсе. Впрочем, он полагал, что девчонку выручит ее очаровательная мордашка...

Эллинет уже собралась рискнуть и метнуться к себе, но замешкалась, услышав недовольные слова Мэддога:

– Я так и знал: из этой затеи ничего не выйдет! И что теперь? Тащить ее на своей шее до конца моих дней?

– Мэд! Ты не смеешь так говорить об Элли! – В глазах Флавии, фиалковых, как и у дочери, вспыхнул гнев.

– Отчего же? Мне ведь приходится содержать **твою** дочь! – Лорд Мэддог всегда делал упор на слове «твоя», подчеркивая, что он не имеет отношения к появлению Эллинет на свет и не обязан взваливать на себя ответственность за ее судьбу.

– Однако она не помешала тебе предложить мне руку!

– Да я просто рассчитывал, что быстро отделаюсь от падчерицы, – отмахнулся Мэддог, запивая слова вином. – Девчонка красива, что и говорить, вдруг да понадобится какому-нибудь богатому остолопу!

Взгляд леди Флавии выплеснул фиолетовую грозу.

– Мэд, побойся гнева Солнца! Ты ведь клялся мне беречь Элли, как родную, и обеспечить нам всем достойное будущее!

Лорд Мэддог поставил бокал на стол, утер губы рукой, звучно срыгнул и зло хихикнул, уставив на жену немигающие, желтые, как у рептилии, глаза:

– Ты же не настолько глупа, чтобы верить каждому слову? Но если хочешь услышать правду – слушай: я терпел твою ненаглядную доченьку лишь потому, что она могла принести выгоду! Королевский сын в зятях – это ли не удача? Эллинет могла стать королевой! Ради такого я взвалил бы на себя бы еще парочку-другую нахлебников! Но теперь... – Нет! – Неожиданно выкрикнул Мэддог, сбив со стола поднос. Он врезался в каминную стенку, заставив леди Флавию вздрогнуть. Алая жидкость с пряным запахом тонкой струйкой вытекала на пол из опрокинутого бокала.

– Следовало ожидать: Киннан хитер – зачем ему невестка из обедневшего, позабытого всеми рода? Разумеется, он сосватал сыну заморскую княжну вместо оборванки! Иначе и быть не могло!

«Княжну?!» – Мысленно ахнула Эллинет и оперлась о стену, чтобы унять слабость в ногах.

– Мэд, это еще ничего не значит, – супруга старалась говорить ровно. – Роланд любит Элли и не захочет жениться на княжне Рианне.

– Очень даже значит, дорогая женушка, – осклабился Мэддог. Отсветы пламени разрисовали лицо золотисто-рыжими красками, сделав его похожим на маску огненного демона. –

Это значит, что все планы разрушены! Не важно, чего хочет принц, его обяжут выполнить отцовскую волю. Он сочетается браком с княжной, а твоя дочь пойдет к ней фрейлиной!

– Нет! – Жестко возразила Флавия. – Я не позволю подвергнуть мою девочку такому издевательству! Эллинет не будет прислуживать новой королеве!

– Еще как будет! – Лорд Мэддог навис над супругой и сжал ее запястья с такой силой, что женщина вскрикнула. – Хоть какая-то польза от твоей дочери! Либо ты найдешь ей мужа, либо пусть идет королевской прислугой и сама зарабатывает себе на хлеб! Я больше не намерен тратить ни одной монеты на бесполезную девчонку!

Мэддог вернулся в кресло и крикнул слугу, требуя принести еще вина.

Никем не замеченная, Эллинет мышью пробралась в свою спальню и плашмя рухнула на кровать, в одночасье лишившись сил. Уткнув лицо в бархатистую ткань подушки, девушка горько рыдала.

Роланд широкими шагами мерил комнату от угла к углу в ожидании Виррейна. Он приказал подать ужин в свои покои и теперь то и дело посматривал на сервированный стол, уставленный фруктами, мясными и рыбными деликатесами, кувшинами с напитками.

– Ты похож на тигра, загнанного в клетку, – заметил друг, закрывая за собой дверь.

– Очень меткое сравнение, – согласился принц, указывая на стол.

Виррейн не заставил себя упрашивать и набросился на еду: видно, несколько часов упражнений под жарким солнцем Дангара не прошли даром, пробудив в нем зверский аппетит. Утолив голод, юноша обратил внимание, что наследник престола не притронулся к пище.

– Рол, что тебя гложет?

– Невозможность распоряжаться своей собственной судьбой, – Роланд присел на край ложа, которое предупредительные слуги уже успели подготовить для сна. – Боюсь, я не был готов к такому исходу.

– Значит, в тронном зале и впрямь что-то случилось, – констатировал Виррейн, подавая другу наполненный бокал. – О чем тебе поведали обитатели придворного серпентария?

Несмотря на упадочный настрой, Роланд рассмеялся:

– За что я тебя ценю, так это за неугасимое чувство юмора.

– А я-то думал, за мои бесценные советы.

– И за них тоже. Итак, друг мой, тебе предстоит дальняя дорога, ибо я не могу покинуть королевство, так что в Снауланд поедешь ты – как мой чрезвычайный посол.

Виррейн поперхнулся:

– В Снауланд? Если ты не объяснишь, в чем дело, я решу, будто ты просто-напросто жаждешь от меня избавиться!

– Вовсе нет, мне будет тебя очень не хватать, потому что кроме тебя и Гедеона, я здесь никому не доверяю. Только Элли.

Элли... При упоминании имени возлюбленной Роланд болезненно поморщился и добавил:

– Вир, ты должен доставить в Дангар мою невесту.

Виррейн поперхнулся второй раз и потребовал толком рассказать, какая муха укусила наследника престола. Принц поведал обо всем, что произошло утром, включая необычное завещание отца и его странный портрет. С каждым словом Виррейн все больше хмурился, бессознательно потирая пальцами ножку золотого кубка.

– Значит, говоришь, магическая печать... – Промолвил он.

– Да. А еще меня очень удивляют огромные траты, в которые пускался отец. Я видел расходные книги и говорил с Хранителем казны, но он не дает внятного ответа, только блеет. Похоже, страх перед моим отцом силен настолько, что даже его кончина не вольна положить конец всеобщему трепетанию.

Виррейн всерьез задумался, подошел к окну, сосчитал несколько звезд и снова повернулся к собеседнику:

– Все очень странно.

– Страннее некуда, – поддержал Роланд. – Вир, я ничего не понимаю! Зачем отец заварил эту кашу? Неужто хотел потешиться под конец? Но ведь он не увидит последствий своей затеи, тогда в чем соль? Просто покуражиться, пусть и с того света?

– Я бы спросил о другом, – Виррейн глянул на друга поверх бокала. – Почему Киннан выбрал тебе в невесты именно Рианну?

– Потому что он с самого начала был против Эллинет!

Роланд прикрыл глаза и тотчас вернулся на пять лет назад, в тот летний день, когда, исполненный надежды, явился в столицу к отцу просить дозволения взять в жены дочь леди Флавии. Киннан беспощадно развеял мечты сына, заявив, что Эллинет слишком бедна, а ее родословная коротка и невзрачна – такая девушка не годится в супруги наследнику престола. Принц заикнулся о сердечной привязанности, но отец в ответ снисходительно усмехнулся:

– Сын мой, речь идет о власти и могуществе, причем здесь сердце? Твоя жена должна служить вящей славе короны Дангара. Худородная девица не годится для этой роли!

То был последний разговор: после такого унижения Роланд больше ни слова не сказал отцу до самого смертного часа. Он приезжал в столицу редко и тайком – повидать леди Элли и убедиться, что она по-прежнему верна своей любви. Молодые люди терпеливо ждали момента, когда смогут, наконец, быть вместе, а он так и не наступил!

– Отец, будь он проклят, лишил меня возможности выбирать! – Принц в ярости швырнул через всю комнату пустой графин. – Чтобы взойти на престол, мне придется взять в жены девушку, которую я никогда раньше не видел. Если, конечно, она девушка, – мрачно добавил Роланд. – Зная папеньку, вполне можно ожидать, что он сосватал за меня безобразную старую ведьму!

Друг проследил полет графина глазами и задумчиво произнес:

– Наверняка дело не только в коварстве.

– Что заставляет тебя так думать?

– Простая логика, – пожал плечами Виррейн. – Посуди сам: если Киннан просто-напросто желал настоять на своем или насолить, почему он сговорил за тебя именно княжну Рианну?

Роланд смотрел непонимающе, и друг пояснил:

– Согласись, чтобы опечалить тебя на веки вечные, вполне достаточно определить тебе в невесты любую девушку, кроме леди Эллинет. Зачем измышлять сложности и вообще заботиться далеко? Снауланд находится за тысячи миль от Дангара! Не проще ли подыскать будущую супругу среди знатнейших родов собственного королевства или среди принцесс соседних государств?

Принц уставился на Виррейна расширившимися глазами: такая мысль доселе его не посещала.

– Вот теперь мне окончательно ясно, за что Гедеон записал тебя в любимчики! – Роланд положил ладони на плечи другу. – Вир, у тебя самая светлая голова из всех, кого я знаю.

– У тебя не хуже. – Отмахнулся Виррейн. – Просто сейчас тобой руководит сердце, переполненное гневом. А гнев – никудышный советчик.

– Ты прав. Кроме того, стоит признать, что отец никогда и ничего не делал просто так, каждый его поступок был продуман до мелочей. Наверно, и в истории с завещанием есть смысл. Но какой?

– Если узнаем – разгадаем загадку и сможем противостоять покойному государю, – откликнулся Виррейн.

Роланд улыбнулся от души – впервые с приезда: он как будто начал потихоньку проникать в суть происходящего, обретя надежду выйти победителем из последней схватки с отцом.

– Спасибо, дружище! – Искренне воскликнул принц. – Обсудим все завтра еще раз и решим, как быть.

Виррейн ответил улыбкой, сопроводив ее кивком, и удалился к себе. Однако его душе отнюдь не полегчало: странно все. Очень, очень странно...

Глава 4.

Изыскания Виррейна

Воспитанник Гедеона мучился бессонницей, ибо одолевший его табун мыслей никак не желал умчаться прочь. Оставив тщетные попытки погрузиться в сонные грезы, Виррейн встал с постели, набросил на плечи плащ и завернулся в него, поскольку ночи в Дангаре весьма прохладны, особенно ранней весной, и устроился на окне, избрав в собеседники звездное небо. Раз мысли не дают покоя, значит, лучше их обдумать. Предмет, в общем и целом, имелся один: умерший король и его причуды.

– Тут определенно кроется тайна, – размышлял Виррейн. – Каким бы ни был Киннан: беспринципным, жестоким, бессердечным, он при этом всегда оставался игроком, причем не обделенным умом. А любая игра подразумевает правила и цель – в виде куша, желанного для игрока.

– Чего мог желать король, находясь на смертном одре? – Вопросал юноша и сам же предлагал варианты. – Раскаяния? Прощения? Да, любой другой человек ответил бы именно так, но не Киннан! Трудно даже представить его кающимся! Тогда что? Что более всего занимает того, кто одной ногой пребывает за гранью?

Тут Виррейн встрепнулся да столь ретиво, что чуть не перемахнул через подоконник:

– Конечно! Стремление не пересекать сию грань! Либо иметь возможность преодолеть ее и вернуться назад, в мир живых! Если принять такую идею за истину, в нее вполне укладывается предсмертный портрет и его прилюдная демонстрация в тронном зале!

Впрочем, несмотря на логичность рассуждений, Виррейн решил пока ни с кем не делиться своими соображениями, даже с Гедеоном – все-таки предположение звучит фантастически: никто еще не воскресал из мертвых. Да и неясного много: например, княжна из Снауланда – она-то причем? Какая роль отведена Рианне в планах покойного монарха?

Поразмыслив еще немного, Виррейн пришел к необходимости кое-что уточнить.

– Отлично, с утра и займусь, – поставил он себе задачу. – Надо побеседовать с придворным художником, как его, Кассио, что ли? А еще – спуститься в библиотеку и спросить совета у книжных духов.

Как только юноша принял решение, ему тотчас захотелось спать – глаза слипались. Он потянулся и отправился смотреть сны.

С утра Виррейн, стараясь не афишировать своих намерений, попросил слугу указать дорогу в мастерскую придворного художника, дескать, захотелось ознакомиться с его работами: если глянутся, можно и портрет заказать. В этом не было ничего необычного: знатные господа в Дангаре имели склонность к самолюбованию, некоторые украшали дома десятками собственных портретов в разных образах, обеспечивая тем самым работой массу художников. Так что желание Виррейна запечатлеть себя на портрете никому бы не показалось чудным, кроме разве Роланда и Гедеона, однако молодой человек надеялся, что последние не узнают о его планах.

Мастерская Кассио располагалась в нижнем этаже. Огромное пространство, под сводами которого гуляло гулкое эхо, плавно переходило в открытую веранду с белыми колоннами, увитыми диким виноградом. Еще чуть ниже был разбит розарий – и столько роз самых чудесных и диковинных расцветок, пожалуй, не видел никто из смертных, если только не бывал в Дангаре.

Поэтическая душа художника упивалась розовым разнообразием и черпала в нем вдохновение, а воздух вокруг насквозь пропитался терпко-сладким ароматом лепестков. Среди клумб стояли мольберты с полотнами, изображавшими то закатный пейзаж, то сливовое дерево, осыпающее лепестки в пропасть, на краю которой росло, из последних сил цепляясь корнями за камень, то величаво-надменные лики знатных дангарцев. Все вокруг говорило о том, что вольный или невольный гость вступил во владения настоящего мастера и ценителя прекрасного.

– Чем могу служить, мой господин? – Учтиво поинтересовался Кассио, снимая перед вошедшим не соответствующий трауру оранжевый берет и выпуская на волю непослушную кудрявую шевелюру. Он был на удивление молод, если не сказать юн, и робел перед вельможными господами.

– Доброе утро, – приветливо улыбнулся Виррейн. – До сих пор я не имел чести вас знать, и пришел исправить это досадное упущение, а заодно, пользуясь случаем, отдать должное вашему несомненному таланту.

Щеки Кассио разругались от удовольствия: художник был страстно влюблен в красоту мира, в свои кисти и краски. Душа его наполнялась чистой детской радостью от каждого complimenta, которого удостоивались его творения – надо признать, и впрямь незаурядные.

– Благодарю, ваша милость. Не желаете ли позировать? Ваш лик благороден, уверен, он займет достойное место в ряду ваших родичей.

– Премного обязан, – хмыкнул Виррейн, – но, боюсь, родичи не жаждут моего общества. У меня к вам другой разговор, который мне хотелось бы оставить между нами.

Художник насторожился, однако гость внушал доверие. Виррейн отмахнулся от грусти, нахлынувшей на него в тот миг, когда Кассио упомянул о предках. Юноша дорого дал бы за то, чтоб узнать, кто он и откуда. Любой, пусть и нечаянный, намек на его абсолютное одиночество в мире вызывал болезненное чувство отчужденности. Виррейн жестко приказал себе переключиться на более важные вещи.

– Что же вас интересует? – Осведомился Кассио, прерывая молчание.

– Портрет короля. Когда вы начали его писать?

Заметив, что живописец задрожал, словно лист на ветру, и съежился под цепким взглядом, Виррейн смягчил свой тон, придав словам большую весомость:

– Друг мой, это действительно крайне важно, ибо напрямую связано с благополучием Дангара.

Художник понял, что гость не шутит: очень уж сосредоточено его лицо. Вздохнув, Кассио отложил в сторону рисовальные принадлежности и вымолвил:

– Я бы рад оказаться вам полезным, но мне ровным счетом нечего рассказать. Его величество не вставал уже довольно долгое время. Все в королевстве ожидали скорбной вести буквально со дня на день. Однажды ввечеру в моей мастерской появилась леди Глэйм и сообщила, что государь требует меня к себе. Когда я пришел, король приказал мне написать портрет, не отходя от смертного одра, но я должен был успеть завершить работу прежде, чем его величество испустит дух.

– Иными словами, вы запечатлели короля перед самой его кончиной? – Уточнил Виррейн.

– Истинно так. Не знаю, как мне это удалось, но с последним мазком по холсту оборвалась и жизнь нашего повелителя, мир его праху!

– И никто не пояснил вам сути происходящего?

Кассио недоуменно посмотрел на молодого человека, а затем рассмеялся:

– Помилуйте! Да зачем бы оно понадобилось? Король собственному сыну-то отродясь не трудился ничего объяснять, а леди Глэйм вообще в упор не видит нашего брата. Что слуга – что тень в коридоре: никакой разницы!

Губы Виррейна сложились в понимающую улыбку, он слегка склонил голову:

– Я от души вам признателен. Позвольте извиниться за то, что оторвал вас от дела, коему вы преданы всем сердцем. Ваши работы выше всяких похвал! Если я вдруг надумаю узреть себя на холсте, то обращусь только к вам!

Юный живописец снова вспыхнул румянцем, разлившимся по смуглым щекам персиковым цветом, и прижал к груди свой изрядно засаленный берет, местами заляпанный красками. Хоть в столице и траур, Кассио не мог заставить себя избавиться от яркого головного убора и надеялся, что в его приверженности этой вещи никто не усмотрит неуважение к усопшему.

Солнце заметно поднялось над горизонтом, из чего воспитанник Гедеоны заключил, что скоро его начнут разыскивать и принц, и наставник, а между тем, надо во что бы то ни стало посетить без свидетелей еще одно загадочное место – королевскую библиотеку, хранилище мифов, легенд и памяти.

Библиотека, в противоположность мастерской художника, пристроилась в самой высокой башне Белого Дворца: несколько этажей фолиантов, покрытых пылью веков, уходивших в высоту до тех пор, пока не упирались в хрустальный купол крыши, расписанный узорами и выложенный самоцветами. Свет, проникающий через него, тоже был разноцветным, а вот тот, что свободно струился из стрельчатых окон, отливал чистым золотом. Здесь-то и обитали озорные всезнайки – книжные духи, или, как еще их звали, книжные человечки.

Виррейн протянул руку наугад: ему попался синий корешок «Легенд Дангара», принадлежавший весьма увесистому тому. Едва молодой человек извлек фолиант с полки, книга сама раскрылась на той странице, что была заложена пестрой бумажной закладкой.

– Ну, ладно, приятель, я же знаю – ты тут, хватит создавать тишину! – Негромко воскликнул Виррейн и потряс закладку.

Та хихикнула, воспарила, взорвалась хлопушкой, обдав посетителя разноцветными обрезками, словно конфетти. И вот на уровне глаз, весело посмеиваясь, болтает ножками забавное существо. С виду оно напоминало бумажную куклу, завернутую в лоскутное одеяло, только росту в нем было никак не меньше полуметра. Сзади трепыхались бумажные продолговатые крылышки, вроде как стрекозьи, только в голубых разводах, точно неуверенная детская рука переборщила с водой и разбрызгала по листу сильно разбавленную акварель.

– Очень эффектный выход, мои поздравления! – Похлопал в ладоши юноша.

Существо растянуло нарисованную карандашом линию в улыбку.

– Рад, что тебе понравилось. Какую истину ты ищешь в библиотеке, смертный?

Виррейн услышал, как завибрировал воздух: под самым куполом парили сотни таких бумажно-тряпичных малышей – видимо, у них настало время завтрака, а поскольку книжные духи питались исключительно книжной пылью, то сейчас они маневрировали, ловко обгоняя друг друга, и вытягивали языки, ловя невесомые позолоченные солнцем пылинки, в изобилии висевшие в воздухе библиотеки. При этом человечки жмурились от удовольствия, как будто во рту золотистая пыль превращалась в карамель.

– Ты не присоединишься к своим друзьям? – Полюбопытствовал Виррейн.

Лоскутный явно удивился такой заботе, поднял нарисованные веки, заправил рыжий завиток под красный бумажный колпачок:

– Благодарствую. Я уже завтракал. Может, перейдем к делу?

– Конечно, – согласился юноша. – Но не скажешь ли для начала свое имя? Так, знаешь ли, гораздо удобнее беседовать. Да и уважительнее, как мне кажется.

Человечек был потрясен: он уставился грифельно-черными круглыми глазами на гостя и, забыв взмахивать крыльями, опустил на краешек стола из красного дерева.

– Ты чего? – Виррейн покосился на книжного духа, опасаясь: не оскорбил ли?

– Никогда... Ни разу... – Бормотал тот растеряннo. – Ни разу за долгие тысячи лет никто из читателей не поинтересовался, как меня зовут...

Этому легко верилось: к помощи книжных духов прибегали, чтобы те указали том или сообщили нужную информацию. Удивительные бумажные создания поселялись в наиболее читаемых книгах. Когда их подсказки не требовались, духи превращались в закладки и лежали себе спокойненько среди страниц. Если библиотека была большой, в ней водилось много книжных духов, а вот в домах бедняков, где книг едва набиралось на единственную полку, обитал обычно всего один.

Если книги переставали читать, и они попусту пылились, духи ленились, наедались до отвала пылью и... лет через сто-двести лопались, сами превращаясь в пыль. Правда, такое случалось редко: жители Дангара слыли знатными книгочеями.

В общем, не удивительно, что человечков не спрашивали об именах: большинству дангарцев и в голову не приходило, что таковые у книжных духов вообще имеются...

– Ну, так что: представишься или будешь и дальше впечатляться? – Поторопил растроганного духа Виррейн.

– Меня зовут Виллим! – Звонко и радостно сообщил собеседник, улыбаясь всей бумажной физиономией. – И отныне я твой верный друг: можешь в любую минуту на меня рассчитывать!

– Вот и договорились. Слушай, Вил, ты знаешь море всего. Не слышал ли когда-нибудь о магической печати?

– Магическая печать? Та, что запечатала завещание покойного короля? – Продемонстрировал осведомленность книжный дух. – Да, я читал о чем-то подобном, только, признаться, давненько... Пренеприятная, скажу тебе, вещьца!

– Почему?

– Да потому, что магической печатью обычно скрепляют злую волю. И изготовить ее сложно – в Дангаре таких точно не делают: нет ни умельцев, ни нужных ингредиентов...

– А где есть?

– Я слыхивал, что колдунами и чародеями сильны северные края, лежащие за Лыдыстым морем.

– Например, Снауланд? – Вкрадчиво прошептал Виррейн, состроив загадочную гримасу.

– Точно! – Подтвердил книжный дух. – Во всяком случае посылка, которую я видел, была явно с севера. Ее принес странный человек в голубом, как небо, плаще и с белоснежной бородой. На груди у него висел неизвестный мне знак, похожий на круглый серебряный диск, расколотый до середины. Человек появился из ниоткуда, оставил сверток на столе и так же исчез, не говоря ни слова.

Юноша весь подобрался, будто готовясь ухватить желанную добычу:

– И кто забрал свиток? Король Киннан?

– Не угадал! За ним пришла дама с очень бледным лицом, в длиннополой темной тунике с широкими рукавами... Она же оставила на месте свертка кошель, который растворился в воздухе сразу, после ее ухода...

– Леди Глэйм! – Воскликнул юноша и тут же понизил голос. – Действовала ли она сама по себе или была в сговоре с покойным королем?

– Кто ж тебе скажет наверняка? – Скорчил забавную рожицу Виллим. – Почитай, никого из свидетелей в живых уж нет.

Дух перекувыркнулся в воздухе и снова разулыбался. Забавно было наблюдать за сменой выражений на его мордашке: они в момент пропадали, точно черты бумажного лица стирала невидимая рука, и она же в мгновение ока выводила их грифелем, приподнимая одни линии и опускавая другие.

– Но! – Неожиданно воскликнул человек. – Среди наших, – он многозначительно кивнул в сторону бумажных собратьев, – поговаривают, будто король не столь уж и покойный, по крайней мере, оставаться таковым собирается недолго... Освободившись от немощной оболочки, его дух переселился в портрет, что висит в тронном зале, и ждет часа, когда сможет вновь вернуться в мир живых, – на сей раз навсегда!

– Как?! – Виррейн нагнулся ближе к своему собеседнику. – Это ведь невозможно!

– Невозможно. Если не обратиться за помощью к тем, кто владеет магией. Дело, конечно, ненадежное, но...

– Хм, пожалуй, Роланд прав: мне действительно надо ехать в Снауланд. – Юноша чувствовал удовлетворение от сознания своей правоты: не зря он подозревал, что от Киннана так легко не отделаться. Но как разобраться во всех хитросплетениях истории? Тяжеловато одному! Виррейн посмотрел на книжного духа:

– Виллим, поедешь со мной в Снежное княжество за невестой принца?

– И за ответами на вопросы? – Подхватил человек и даже закружился от радости. – С превеликой охотой! Знаешь, как скучно пылиться на полке? Нынче легендами мало кого удивишь!

Он отвесил шуточный поклон:

– Я почту за честь сопровождать вас, мой господин!

Глава 5

Не ждали?..

Весь оставшийся день прошел в хлопотах, ибо на рассвете Виррейну предстояло покинуть Дангар и отправиться в дальний путь в Снауланд. По всем расчетам выходило, что по морю до конечной цели придется добираться две недели и столько же обратно. Юноша возражал против большого количества спутников, согласившись лишь на общество капитана корабля и его команды, с собой же Виррейн не хотел брать никого.

– Мне не нужна компания! – Резко отметал он все доводы Роланда и Гедеона.

– Но ты ведь едешь как чрезвычайный посол! Негоже заявляться к князю Фиорну в одиночестве! В конце концов, это невежливо! Ты представляешь Дангар!

– С каких пор тебя заботят официальные церемонии? – Подняв бровь, сыронизировал Виррейн.

– Ну, предстоит же мне, в конце концов, взойти на престол, – сухо бросил задетый за живое Роланд. – Привыкаю потихоньку.

Гедеон поспешил вмешаться в назревающий конфликт:

– Угломонитесь оба! Клянусь Солнцем, последний раз мне приходилось вас разнимать в шестилетнем возрасте, когда вы на морском берегу не могли поделить ракушки и швырялись друг в друга пригоршнями песка!

Принц и его наперсник переглянулись и расхохотались. Виррейн, сменивший гнев на милость, согласился принять в свою компанию лорда Дина – одного из старейших членов Королевского Совета. Несмотря на зрелые годы, сей господин был крепок, умен, да и внешность имел представительную. Помимо советника к послу прикреплялись трое стражников в качестве охраны.

– То есть ты полагаешь, меня надо охранять? – Не удержался от колкости Виррейн.

– Не тебя, а невесту его высочества, – одернул Гедеон. – Мальчик мой, уйми свою браваду: так полагается – мы не можем нарушать обычаи, сопровождающие высокие визиты!

Юноша только рукой махнул, мол, делайте, как хотите! И отправился спать – вставать-то ни свет ни заря.

Едва ступив на пристань, Виррейн присвистнул: принц не поскупился, предоставив для путешествия «Солнечный» – лучший корабль королевского флота! На борту вовсю кипела работа: команда заканчивала грузить поклажу, приводить в порядок такелаж и готовилась поднимать паруса.

– К чему так много всего? – Удивился Виррейн, волею обстоятельств записанный в послы.

– Это дары князю, княгине и их дочери, – пояснил подошедший Гедеон.

Юноша закатил глаза: королевские поручения уже начинали его утомлять, впрочем, он и прежде не считал жизнь при дворе занятой. Первый министр угадал мысли воспитанника, усмехнулся в бороду и тут заметил, что Виррейн держит под мышкой книгу в синей обложке.

– Собрался почитать на досуге?

– Почему нет? Путь долгий, надо же занимать себя чем-то, кроме созерцания морских пейзажей.

– Ну-ну...

По всему видно, Гедеон ни на грош не поверил воспитаннику, но от дальнейших распросов воздержался. Зато протянул юноше запечатанный свиток. Отвечая на вопросительный взгляд, первый министр пояснил:

– Письмо следует передать лично в руки князю Фиорну. Только он имеет право сломать печать. Никто не знает, о чем говорится в послании.

– Как скажешь, – промолвил молодой человек, забирая запечатанный свиток и засовывая его за кожаный, шитый золотом пояс. На одно его плечо был наброшен черный плащ с золоченой каймой, почти сливавшийся с густыми смоляными волосами.

Солнце набирало силу: его сияющие копыя насквозь пронзили синее полотно моря, но не смогли пригвоздить ко дну – оно колыхалось, переливаясь волнами, повинуюсь исключительно собственному беспокойному нраву и воле ветра.

На пристани показался Роланд, частично упакованный в королевские регалии: темно-бордовую мантию и такую же шапочку с золотым гербом Дангара – гроздь винограда над кубком и обороняющий их меч.

Принц тепло простился с другом. За их спинами толпились праздные зеваки, восхищенно взиравшие на великолепный корабль и богато одетых господ.

– Будь осторожен, – тихо попросил Роланд. – Я не хочу лишиться единственного друга!

– И по совместительству доверенного лица? – Ухмыльнулся Виррейн, не любивший прощания, и добавил, – тебе тоже осмотрительность не помешает!

Наклонившись чуть ближе, юноша перешел на шепот:

– Держись подальше от портрета! С ним не все просто, он, как и стены замка, скрывает какой-то страшный секрет!

Роланд нахмурился, но не успел уточнить, что имеет в виду друг: с мачты на палубу спрыгнул молодой матрос и что-то сказал капитану. Тот бодро оттрапоровал:

– «Солнечный» готов к отплытию, ваше высочество!

Принц кивнул. Виррейн поднялся на борт. Следом за ним подтянулись лорд Дин и трое стражей из числа королевской охраны. Спустя пару мгновений корабль отчалил под громкие крики зрителей, желавших путешественникам благополучного возвращения.

Виррейн смотрел, как стремительно растет синяя полоска, отделяющая «Солнечный» от суши – берег оставался все дальше, паруса радостно раздувались, ловя попутный ветер. А вот юноша радости не испытывал, скорее наоборот – его сердце тревожно сжималось.

– Лучший корабль... Должна признать, это отличный выбор, мой государь. Уверена, ваша невеста оценит столь широкий жест.

Роланд, прогуливавшийся по саду, вздрогнул: от дерева отделилась тень, превратившаяся под светом солнца в леди Эллинет, удивительную, чудесную Эллинет в платье глубокого винного цвета. Признаться, принц растерялся и несколько мгновений просто смотрел на нее: с того момента, как наследник престола прибыл в столицу, он ни разу не попытался увидеться с возлюбленной.

И вот она сама стоит перед ним, как живой укор его нерешительности или... трусости? Эта мысль больно ужалила Роланда, а сердце забилося с неистовой силой – юноше так не хватало волшебного очарования его леди!

Сейчас фиалковые глаза Эллинет казались почти черными, словно их затянуло тучами внутренней борьбы, а губы, свежие и алые, точно только что отведавшие гранатового сока, были плотно сжаты. Девушка бросала вызов его чувствам.

– Элли! – Роланд встряхнул темно-каштановой шевелюрой и шагнул к ней. – Ты не должна думать, будто я стараюсь внушить княжне любовь ко мне!

– Неужели? Тогда скажи сам: что мне думать? Ты не прислал даже записки! А я-то, глупая, надеялась, что ты тоскуешь...

– Я тоскую! Элли, я отдал бы тысячу престолов за возможность предложить руку тебе!

Лезвия нестерпимой боли резали душу на части, она проявилась и в мучительной гримасе, исказившей черты красивого лица. Девушка стояла так близко! Однако Роланд не смел дотронуться хотя бы до руки, опасаясь утратить остатки самообладания. Она не сводила глаз, и принц прошептал:

– Я, не колеблясь, принял бы изгнание, но не могу обречь тебя на скитания без надежды на счастье!

– А Дангар – на гибель? – Дополнила леди Элли.

Юноша молча кивнул. Он был искренен: Эллинет видела это в каждом жесте, ее лицо смягчилось.

– Завещание отца чудовищно! – Воскликнул принц.

Девушка порывисто схватила руку возлюбленного и прижала к сердцу.

– Прости мое малодушие, – горько произнес Роланд. – Правда: я боялся встретиться с тобою, но лишь потому, что в противном случае уже не согласился бы разлучиться!

– Мы и не разлучимся, – печально проронила леди Элли, – мне ведь предстоит стать фрейлиной... Забавно, да? Будь ситуация иной, такое предложение можно было бы счесть неслыханной удачей для особы моего происхождения! Подумать только: первая фрейлина королевы!

Роланд потрясенно уставился на девушку:

– Так ты все знаешь? Откуда?!

– Ну, доброжелателей много... Донесли.

Помолчав, Эллинет добавила:

– Но ты должен знать: на это я не пойду! Я и без того достаточно унижена и опустошена...

Принц приложил пальцы к ее губам:

– Тишш... Не говори таких вещей. Я найду способ разобраться со всей этой демонической неразберихой! Я узнаю, как разорвать путы колдовской печати. Клянусь, Элли, ибо никто и никогда не сможет занять твоё место в моем сердце!

Девушка улыбнулась, стараясь заглянуть в самую глубину зеленых глаз:

– Я тебя люблю и не заставлю выбирать между мной и королевством!

Роланд наклонился к ее губам:

– Этого не потребуется, верь мне!

Налетевший ветер взметнул пряди их волос, и они переплелись, превратившись в смешение оттенков горького и молочного шоколада.

Роланда то сжигал внутренний жар, то бил озноб: он метался, сменяя простыни, силясь вырваться из плена тяжелого сна. Юноша все мчался по каким-то коридорам, пытаясь поймать некий ускользающий образ. Но только ему казалось, что рука вот-вот ухватит дымный лоскут, принадлежавший неведомому существу, как впереди возникал новый коридор, а таинственный бегун запускал издевательские смешки из другой точки пространства, точно дразня и заманивая за очередную стену.

– Стены, стены... Бесконечные преграды, – в забытии бормотал Роланд, переворачиваясь с бока на бок. Ресницы чуть подрагивали, но не размыкались.

Вот на руки что-то упало: принц с отвращением смотрел, как капля растекается и постепенно густеет, окольцовывая запястья, – миг, и они уже в оковах! Но это не настоящие оковы! Смолистый запах с примесью гари был весьма узнаваем:

– Печать, проклятая печать! – Взвыл юноша, пытаясь содрать восковые кандалы.

Тоненький смех, временами переходивший в грубоватый басок, отвечал его отчаянию.

Роланд открыл глаза, часто и глубоко задышал, приходя в себя. Лоб заметно повлажнел, шелк подушки тоже утратил первоначальную свежесть, пропитавшись потом. В окно спальни подглядывал круглый лунный глаз, необычайно яркий на фоне ночного неба. Его свет неслышной поступью подбирался почти вплотную к постели.

Тут вдруг принц осознал, что смешки все еще коробят слух. Неужто сон продолжается? Нет, тело вполне ощутимо, значит – не спит!

Роланд проследил взглядом за крадущимся лунным лучом и заметил в кресле у очага темную фигуру. «Неслыханно! Переходит всякие границы! Кто обнаглел настолько, что осмеливается сидеть ночью в покоях наследника престола?» – бессловесно возмутился юноша и решительно двинулся к креслу.

Усмешка была слишком знакомой! Лунный свет явил полную силу и лился, как молоко из кувшина, прямо на ночного гостя.

– Доброй ночи, сын мой! Как видишь, я охраняю твой сон! – Деланно ласково протянул Киннан III и расхохотался в голос.

Ошарашенный Роланд отступил назад:

– Не может быть... Невозможно! Ты... ты...

– Удивлен? – Оскалился король, не двигаясь с места. – Ведь ты уже похоронил меня, не так ли?

Принц сглотнул, не желая верить в реальность встречи.

– Но, как видишь, я и по ту сторону гроба пекусь о тебе и о благе королевства. А где благодарность? Где, я спрашиваю?! – Неожиданно рывкнул Киннан. – Щенок! Думал, что избавился от меня и можешь жить, как тебе заблагорассудится? Не выйдет, мой мальчик! Дангару нужен настоящий король!

– Кстати, – протянул он с невыносимо фальшивой заботой, – правда же, я славно придумал с королевой и фрейлиной? Весело, не находишь?

– Ты подлец, каких свет не видывал! – Злость придала Роланду уверенности.

– Да, – с удовольствием подтвердил покойный король и тут же скривил хищное лицо, ставшее в свете луны совершенно нездешним. – Да, мой мальчик! Не всем же быть благородными! Но только подлец способен быть столь беспринципным, чтобы рискнуть потягаться с самой смертью!

Принц уже взял себя в руки и приблизился к ночному гостю. С трудом преодолев неприязнь и брезгливость, он коснулся отца. Рука прошла сквозь Киннана! Король сидел в кресле, но не был осязаем!

– Тебя не существует! – С облегчением вымолвил Роланд, испытывая в душе некое злорадство. – Ты все-таки мертв!

– Да. Но это пока, мой мальчик! Дай только срок! Мое время близится! Мое – раз и навсегда!

Роланду показалось, будто за спиной что-то зашуршало: он обернулся, однако увидел лишь окно и в нем – кусок черного плаща ночи, лишённого звездных застёжек. Луна зияла в нем, как огромная золотая пряжка.

– Что ты имеешь в виду? – Спросил принц, возвращая взгляд в комнату.

Кресло все так же стояло у очага, однако внутри никто не сидел – ни живой, ни мертвый...

Глава 6

В замке и на море

На исходе седьмого дня «Солнечный» вышел из теплых вод Бриойского моря, омывающего берега Дангара. Дальше кораблю предстояло пройти Льдистое море и желательно без потерь. Оно не зря носило свое гордое имя, ибо изобиловало не только айсбергами. Из воды на поверхность повсюду выходили ледяные образования разной величины, порой их края были острее бритвы, а иногда выглядели как длинные шипы и легко могли рассечь корпус судна. Команда, лишившись защиты корабля, мгновенно замерзла бы насмерть, поскольку то, что плескалось за бортом, скорее напоминало жидкий лед, нежели обычную морскую воду. Потому-то «Солнечный» накануне плавания старательно обшили листами заговоренного железа, дабы он мог противостоять коварству северного моря и его обитателей. В холодных глубинах кипела жизнь, но самыми опасными считались ледяные рогатые киты – прозрачно-голубые, похожие на фигурки из стекла, только гораздо более крупные, с крепкими наростами на голове – они принимали за добычу все, что движется, невзирая на размеры, и с ходу шли на таран.

Впрочем, капитан Грэм был старым морским волком и не раз ходил в этих водах, его опыт не вызывал сомнений. Незадолго перед сменой курса, он основательно побеседовал с вверенными ему пассажирами, предупредив о возможных опасностях.

– Господа, убедительно прошу вас не выходить на палубу без особой надобности – вплоть до той поры, пока мы не бросим якорь в гавани Снауланда, – сказал он за ужином в кают-компании.

– Такие суровые меры действительно необходимы? – С искренним любопытством поинтересовался лорд Дин.

– Да, сударь. – Кивнул капитан. – Надеюсь, вы, как человек просвещенный, слышали о режущих морских льдах и рогатых китах.

– Несомненно, но неужто на палубе я буду в большей опасности, нежели в каюте?

– Так точно! – По-военному отчеканил Грэм. – Ибо в этих местах коварны не только льды, но и ветра – здесь им полное раздолье. Их ледяное дыхание обжигает не хуже морской воды, а порывы таковы, что им ничего не стоит сдуть вас за борт. Мне бы не хотелось тратить время на вылавливание вашей ледяной скульптуры. Что же до китов, то не стоит будоражить их лишний раз мельканием. Есть надежда, что корабль они не сильно потреплют, но живой человек обязательно привлечет их настойчивое внимание.

– Благодарю вас, капитан, – произнес Виррейн, ставая из-за стола. – Не сомневаюсь, вы знаете свое дело, поэтому лично я готов внять вашим добрым советам.

Остальным ничего не оставалось, кроме как подчиниться своему командиру. Грэм благожелательно улыбнулся и пожал юноше руку – и тот, и другой с первого дня путешествия испытывали друг к другу приязнь, как люди, следующие долгу и верные слову.

– Очень рад, что мы все поняли друг друга. Надеюсь, недоразумений не возникнет. Доброй ночи, господа.

Капитан удалился к штурвалу, а пассажиры разошлись по своим каютам.

Вернувшись к себе, Виррейн залег в корабельный гамак и взял со столика «Легенды Дангара». За минувшие дни он успел почти выучить книгу наизусть, но ответов на интересующие

вопросы так и не нашел. Из открытой страницы, как из воды, вынырнула довольная рожица Виллима. Дух старательно облизывался, видимо, отлично поужинал книжной пылью.

– Чего грустим? – Спросил он, выбираясь из книги и кутаясь в свое лоскутное одеяние.

– Не грустим, а размышляем, – поправил Виррейн. – Из «Легенд Дангара» я почерпнул, что в древности существовал обычай завешивать плотной тканью все портреты умирающего. Наши предки верили, будто душа, выходя из тела, способна перебраться в изображение, особенно если оно совсем свежее. Полагаю, это и случилось с королем: не зря же он приказал Кассию писать свой портрет столь странным образом. Но ведь пристанище все равно остается временным... А потом что? Как он намерен вернуться из небытия?

– Знаешь, я, вообще-то, не специалист по чародейским штучкам, – заметил книжный дух, раскачиваясь на другом конце гамака. – Лучше спросить кого-то сведущего, например, в том же Снауланде.

– Мы там никого не знаем, следовательно, не можем доверять. К тому же ты уверен, что эти северяне – такие уж знатоки?

– Конечно! Снауланд со всеми странами торгует магическими зельями и артефактами! Если там не найдем разгадку тайны – то нигде не найдем!

– Что ж, придется ждать, – констатировал Виррейн. – Ломать голову, не имея достаточных фактов, смысла не имеет. Кстати, все хочу спросить: какого ты мнения о навязанном мне лорде Дине?

Человечек пожал бумажными плечами:

– Разумный и знающий человек, заядлый книголюб, к тому же великий дипломат. Именно лорд Дин несколько лет назад предотвратил войну между Дангаром и Роком, которую намеревался затеять кузен нашего принца Лайнелл.

– Ну и отлично! Значит, он не станет вставлять палки в колеса, – юноша прикрыл глаза, собираясь погрузиться в сон.

Виллим примолк, а затем тихо и неуверенно сказал:

– Если мы правы насчет короля, то ситуация очень нехороша.

– Почему? – Виррейн сразу расхотелось спать.

– Потому что Киннан должен был уйти, но не ушел и тем самым нарушил равновесие между миром живых и миром духов. Представляю, как злы создания, охраняющие границы!

– И что?

– А то! – Книжный человечек скосил в сторону друга начерченный грифелем глаз. – Значит, улыбающийся портрет и разгуливающий по замку призрак покойного государя – далеко не самые большие неприятности, с которыми придется столкнуться принцу Роланду в наше отсутствие...

Виллим даже не представлял, насколько он прав. Первый «звоночек» долго ждать себя не заставил.

Однажды поутру кухарка Микаэла, женщина в самом соку, войдя в свои владения, почувствовала крайне неприятный запах, весьма ощутимо отдающий кислиной и гнильцой.

– Ну, Нетта, ну, негодяйка! – Дородная кухарка, чья увесистая грудь, обтянутая белой тканью рубахи, с комфортом возлежала на животе, с грохотом водрузила корзину на стол. – Эй, Нетта! Выходи, когда кличут!

Из подсобного помещения выглянула остренькая мордашка юной помощницы-судомойки:

– Я тут, мадам! Что вам угодно?

– Что мне угодно?! – Грянула Микаэла, потрясая солидными кулаками. – Мне угодно, чтобы ты исправно делала свою работу! А ты опять с вечера не вымыла посуду, ленивица этакая, да и мусор не убрала!

– Как так не вымыла? Вымыла! Еще и котелки с песком оттерла!

– Ах, ты еще и врешь, глаза твои бесстыжие! – Кухарка ухватила тряпку для протирки столов и принялась ею охаживать служанку.

Бедная девушка, не понимавшая, в чем она провинилась, бегала по кухне, стараясь увернуться от куска материи, который в мощных руках Микаэлы превращался в грозное оружие.

– Мадам, не знаю о чем вы! – Вопила Нетта. – Хоть здоровьем матушки, хоть Солнцем могу поклясться, я все прибрала!

– На кой мне твои клятвы, канительщица бестолковая, ежели я носа еще не лишилась – на всю кухню помоями разит!

– Это не я, честное слово, не я!

На ругань, чередующуюся с визгами, прибежал сам смотритель кухни Адиор.

– А ну, прекратить! – Рывкнул он, перекрывая гвалт. – Совсем ополоумели?! Чего лаетесь с утра пораньше?!

Женщины заговорили наперебой: Микаэла обвиняла, Нетта оправдывалась. Адиор закатил глаза, мол, одно слово – бабы! Чтобы пресечь дальнейшую разборку, он осмотрел территорию и нашел ее в полном порядке: вся посуда чистая, на своих местах, помои вынесены, мусор выметен.

Нетта посмотрела на свою обидчицу с торжеством, но кухарка этого не заметила, потому как продолжала приняховаться.

– Чем же тогда смердит-то, а?

Смотритель тоже учуял посторонний запах и сморщился.

– Гляньте-ка, гляньте! – Заверещала вдруг судомойка, указывая на стену над жаровней.

На каменной кладке отчетливо проступали огромные жирные пятна, словно кто плеснул туда отборнейшим виноградным маслом. От них ползли вниз потеки, весьма несимпатичные на вид. Зато отпали всякие сомнения: именно пятна портили воздух в кухне.

Троица несколько секунд беззвучно глазела на них, а затем Микаэла, что-то смекнув, метнулась в кладовую. Оттуда она вынесла растерянность, вписанную в черты широкого лица, повела носом, спрятанным между выступающими полукружьями щек, и молча покачала зажатым в руке пучком базилика – он был обгрызен почти под самый корень. Другой рукой кухарка продемонстрировала кринку, где некогда плескались сливки – их там почти не осталось, разве только на самом доньшке...

– И так со всеми припасами, – проговорила женщина, тяжело опускаясь вместо стула на винную бочку. – Почти ничего целого нет, а что имеется – в еду не годится...

Адиор передернулся всем жердеподобным телом, пощипал жидкую рыжевато-каштановую бородавку. Она смотрелась довольно забавно, словно смотритель выдрал клоч с лисьего хвоста и прицепил к подбородку.

– Рассуждать некогда! – Решительно объявил он, убрав, наконец, пальцы подальше от бороды. – Займитесь-ка уборкой! Сейчас вам на подмогу прибудет прочая челядь. А я распоряжусь насчет провианта – надо срочно заполнить кладовую!

Уже в дверях он обронил:

– Поторопитесь! Еще завтрак готовить его высочеству, да и прочим господам тоже! И ни гу-гу о сегодняшнем происшествии!

Обе женщины бросились первым делом оттирать пятна. Дело двигалось трудно – они никак не хотели сходиться со стены.

– Бесполезно, – бормотала сквозь стиснутые зубы Микаэла. – Завтра история повторится, а потом снова и снова... Никаких продуктов не напасешься!

– Почему? – Округлила глаза Нетта. – Что за пятна такие странные? Никогда прежде не видывала ничего похожего!

– По всему видать, *жирники* нас одолели, – вздохнула кухарка. – Отвадить их, ой, как непросто!

Виррейн откровенно скучал: сквозь иллюминаторы сочилась одна только седая синева, перемешавшая день с ночью и нагоняющая тоску. «Солнечный» уже несколько дней преодолевал препятствия Льдистого моря: корабль то и дело заносило в сторону, иногда он, судя по всему, с чем-то сталкивался, но не сильно, и такие происшествия не доставляли пассажирам серьезных неудобств. Они честно выполняли обещание, данное капитану Грэму, и подавляющую часть времени проводили в своих каютах. Виррейн успел сдружиться с лордом Дином, и уже, наверно, проигрался бы ему в пух и прах, если бы их посиделки имели материальную подоплеку. Лорд Дин и молодой посол от скуки вечерами резались в кости. Иногда в партию вступал Виллим, но с ним надо было держать ухо востро: дух постоянно норовил жулить.

Надо сказать, присутствие на корабле книжного человечка не удивило лорда Дина, скорее позабавило. Эти двое легко нашли общий язык и порой весьма увлеченно спорили о нынешнем и минувшем.

Виррейну казалось, что судно идет слишком медленно, хотя капитан пугал сильными ветрами. Как-то юноша поймал себя на чисто мальчишеской мысли: ему отчаянно захотелось подняться наверх и глотнуть свежего северного воздуха. Признаться, Виррейн с детства не терпел запретов, норовя любым способом их обойти, и мудрый Гедеон, прекрасно изучивший своего воспитанника, никогда не пытался что-то наотрез ему воспрещать. На мальчика гораздо проще было воздействовать разумными доводами.

Но как раз сейчас доводы не срабатывали: Виррейну чертовски надоело просиживать штаны. Однако едва он решительно выбрался из своего гамака, чтобы рискнуть подняться на палубу, как страшный удар сбил его с ног: что-то огромное с силой и яростью врезалось в бок корабля. От второго удара юношу отбросило к стене – он даже ошутимо приложился к ней затылком. Сверху доносились громкие возгласы, но в чем дело, было не разобрать. Не раздумывая, Виррейн кинулся на помощь команде.

– Что случилось?! – Крикнул он, заслоняясь от обжигающе-холодного ветра.

– Нас атаквали! – Зычно откликнулся капитан и еще возвысил голос. – Держитесь, кто за что может, и покрепче!

Предупреждение подоспело своевременно: только Виррейн ухватился за канат, как «Солнечный» резко накренился на левый борт да столь низко, что на палубу плеснула вода, моментально застывшая морозной коркой. «И впрямь жидкий лед» – успел изумиться юноша, а потом последовал новый крен, теперь уже направо. Одновременно нечто гулко ударило в корму. Мимо с воплем пронеслась темная фигура, размахивающая руками в тщетной попытке найти опору. Юноша чудом умудрился сориентироваться, и подцепил скользящего за плащ.

– Спасибо, – прохрипела фигура, оказавшаяся лордом Дином.

Он подтянулся и прикрепился к тому же канату, за который держался Виррейн. Молодой посол только сейчас заметил, что палуба, насколько хватает глаз, стянута кляксами замерзшей воды.

– Что происходит? Кто напал на корабль? – Спросил он.

– Ледяные киты, – гаркнул ему в самое ухо лорд Дин. – Наши балбесы, прости меня Солнце, таки высунули свои длинные носы на палубу! Эти твари и взбеленились!

Раздавшийся следом трубный рев заставил бы задрожать и тигра. Виррейн и его спутник, замерев, наблюдали, как из воды одновременно с двух сторон, разбрасывая веер брызг, выпрыгнули гигантские существа, словно вырезанные из льда. Они призрачно серебрились в сумерках. Взошедшая луна светила сквозь них бледным рассеянным светом. На огромных головах красовались наросты в виде полумесяца – судя по всему, ими киты и таранили «Солнечный».

Погрузившись в воду, махины опять ударили с боков, еще один толчок достался корме. Корабль натужно скрипел, с трудом перенося выпавшие на его долю испытания.

– Что они делают?! – Вклинился в зловещие завывания ветра Виррейн.

Мимо на пятой точке проехал сам капитан и недвусмысленно познакомил спину с бортом. Видимо, треснулся он как следует, потому что не сдержал ругательства.

– Толкают нас во льды, чтобы судно застряло там до скончания века, а рыбки спокойно бы поужинали нами. – Бросил Грэм, справляясь с болью.

– А можно их как-нибудь отпугнуть? – Полюбопытствовал лорд Дин.

– Попытка не пытка, – отозвался капитан, сиюсь встать на ноги. – Но все для этого необходимое там, – он махнул в сторону трюма. Только вот как туда добраться?

Виррейн присмотрелся, оценил масштаб подвига и, осторожно отцепившись от каната, передвинулся вперед, хватаясь за кстати повернувшиеся корабельные ванты.

– Куда?! – Рывкнул капитан. – Тебя вышвырнет за борт, как котенка!!!

– Виррейн, вернись! – Вторил лорд Дин.

Юноша не слушал. Он вообще постарался отключиться от какофонии воплей, терзавшей слух, и уверенно продвигался к цели. Помогло то, что толчки несколько ослабели: то ли чудовищные рыбыны выдохлись, то ли решили, что добыча и так от них никуда не денется.

Вот и долгожданная грот-мачта, до трюма осталось всего-ничего... Очередной удар страшной мощи обрушил Виррейна на скользкую палубу. Однако на сей раз падение пошло на пользу, ибо юноша прискользил прямиком к черному квадрату трюма. Лежавшие возле него вещи, завернутые в темную ткань, почему-то не раскатились. Посол дангарского принца, лежа на животе, подтянул их к себе, затем пополз по-пластунски назад, толкая все причиндалы перед собой, и подивился: подобный способ передвижения в сложившихся обстоятельствах оказался весьма удобным!

К капитану и лорду Дину Виррейн вернулся куда скорее, чем те ожидали.

– Вы просто герой, мой друг, – восхитился капитан, разворачивая сверток.

В нем лежали факелы: длинное, как у копья, древко, обернутое толстой пропитанной смолой тряпицей. В лорде проснулся скептик:

– Отлично, вот только как их зажечь на таком ветру, когда к тому же еще толкаются со всех сторон? – Спросил он, взирая на манипуляции капитана.

– Добавим толику магии – и порядок! Держите-ка, сударь! Ваш черед потрудиться! – Грэм вручил Дину горшочек с сыпучим веществом и пару шаров с отверстиями. – Это чародейный огненный порошок: наполните им сосуды и бросьте за борт. Только цельтесь точнехонько в кита. Пока он будет отходить от нападения, мы с молодым господином успеем поджечь факелы – на них особая смола, в момент воспламеняется и не гаснет – как раз для таких случаев.

Дин послушался. Провел рукой по аккуратно повторяющей контур подбородка черной бороде, отрясая намерзшие на нее кристаллики льда, и, чуть присев, поскользил к борту.

Заметить рогатого кита не составило труда. В прицеле тоже особой нужды не имелось – надо быть прирожденным мазилой, чтобы не попасть в такого гиганта!

Обе круглые колбочки врезались киту в спину. Взрыва никто не услышал: его поглотил оглушительный рев, усиленный сочувствующими завываниями китовых братьев. Донельза изумленный лорд Дин увидел, как в тех местах, куда угодили взрывательные шары, мгновенно

образовались рваные дыры со сколотыми краями. Это было похоже на то, как отступает лед под натиском жара...

Видимо, обитатели северных вод были созданиями компанейскими, потому что как только один кит чуть отплыл, чтоб осмыслить нанесенный ледяной шкуре ущерб, остальные тоже приостановили нападку на судно.

– Это ненадолго, – разбил радужные надежды капитан.

Однако минутной передышки хватило, чтобы Грэм и Виррейн запалили факелы. А те члены команды, которые находились не очень далеко, получили, наконец, возможность добраться до троих смельчаков. Каждый забрал свой факел и ушел дежурить.

– Будьте крайне осторожны, – инструктировал капитан. – Не наклоняйтесь слишком низко, одной рукой старайтесь держаться как можно крепче за все, что не шатается. Не пытайтесь лишний раз достать китов – ваша задача всего лишь удерживать их на расстоянии, то есть отпугивать!

Между тем лорд Дин еще наблюдал за своим противником: пробоина в ледяной спине затягивалась невероятно быстро! Сначала она подернулась тонкими инистыми нитями, словно рану штопал умелый лекарь. Корочка твердела на глазах – скоро от прорехи не осталось и следа, а разозленное существо вновь бросилось штурмовать судно, но было встречено плавающими факелами, которые люди всадили ему в бока. Рогатый кит утробно урчал, но предпочитал держаться поодаль. Судя по всему, на другом фланге, а также в арьергарде ситуация была схожей, поскольку удары прекратились. Однако киты не торопились уплыть, а будто бы текли вместе с водой вдоль бортов, мелькая плавниками и полумесяцами рогов.

– И какой смысл? – Устало молвил лорд Дин. – Их нельзя убить. Спать им, очевидно, не хочется... Киты все равно не отстанут, а факелы не будут гореть вечно!

– Как я уже говорил, нам не нужно их убивать, только отпугнуть, – возразил капитан, – да и вечность подождет. Еще бы часок продержаться – и «Солнечный» покинет их владения. А за пределы своей территории рогатые киты не заплывают.

Виррейн ничего не сказал, только перехватил покрепче древко. Он лишь теперь почувствовал, что его знобит: утепленная одежда не выдерживала столь мощного натиска северных широт. Веки упрямо падали, норовя дать отдых глазам. «Немного, еще немного»...

Сама природа как будто пришла на выручку утомленным мореплавателям: ветер сменил направление и наполнил паруса, выправляя курс. Судно стремительно набирало ход. Повеселевшие люди переглядывались, киты недовольно пускали пузыри и начинали отставать. Восточный склон неба нежно розовел, румянясь зарей. Разбросанные ветром редкие облачка в ее свете походили на опавшие лепестки роз.

Виррейна из оцепенения вывел громкий вскрик, за которым последовал шум падения. То один из стражей, приставленных к нему Роландом, от усталости неловко повернулся, поскользнулся и бултыхнулся в море.

– Человек за бортом! – Воскликнул Виррейн.

Он уже приготовился прыгнуть следом, чтобы спасти несчастного, но тяжелая ладонь капитана, легшая на плечо, удержала его от опрометчивого шага.

– Мы не поможем ему? – Прохрипел донельзя измотанный юноша.

– Это выше наших возможностей, – Грэм указал рукой в море.

Обомлевший от ужаса Виррейн сразу же наткнулся взглядом на фигуру бедолаги: ее всю покрывал толстый слой льда! Он ало искрился под лучами встающего солнца. Повсюду в воде, как поплавки, качались похожие ледяные статуи, густо припорошенные сверкающим инеем и кроваво подсвеченные зарей – единственное напоминание о тех, кому не суждено спастись из вечно холодного плена Льдистого моря.

Виррейн и сам не сознавал, насколько он обессилен. Едва добравшись на гудящих ногах до своего гамака, юноша уронил себя в него и спал без просыпа целых двое суток. Очнулся он лишь в тот миг, когда «Солнечный», изрядно помятый, но не сдавшийся, бросил якорь в порту Снауланда.

Глава 7

Снауланд встречает гостей

Посол дангарского принца появился на палубе в великолепном облачении, основными цветами которого по-прежнему оставались черный и золотой: траур есть траур, его полагалось соблюдать даже во время государственных визитов. Коснувшись пояса, юноша убедился, что послание для князя Фиорна при нем, целое и невредимое. Стало быть, можно выдвигаться.

Матросы уже опускали трап, однако лорд Дин не спешил сходить на берег. Он оперся на борт, отправив взгляд задумчиво блуждать по розовой линии горизонта.

– В чем дело, сударь? – Осведомился Виррейн, подходя к своему спутнику.

– Похоже, мы явились несколько раньше, чем оговаривалось. Как видите, почетный эскорт нас не встречает. Полагаю, стоит обождать. А пока пошлем гонца к его величеству с сообщением о нашем прибытии.

– К чему все так усложнять? – Удивился Виррейн, жаждавший как можно скорее выполнить миссию и вернуться назад в Дангар. – Почему нельзя отправиться своим ходом? Думаю, любой встреченный прохожий укажет нам путь к замку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.